

уровнях, поскольку человек вынужден отвечать на вызовы своего времени, он становится личностью, только начиная делать выбор [2, с. 21–39].

Именно в XX в. появляются возможности конструирования и реализации не утопий, а альтернативных проектов, которые представляют собой выбор одного из многочисленных действий. Касториадис видел в автономном проекте не истину и «последнюю» теорию, а именно альтернативу существующему порядку, это был его проект реализации социалистической идеи. Поэтому автономия является не законченной теорией, а проектом, который должен подвергнуться серьезной корректировке в процессе реализации.

Проект автономии Касториадиса – это альтернатива, дающая направление для развития, это веха в истории политических учений, но она не дает рецепты и не устраняет препятствия. Автономия не является лишь проектом радикальной формы демократии, она является «режимом, который пытается осуществить, насколько это возможно, индивидуальную и коллективную автономию и общее благо, какое его задумает заинтересованный коллектив» [6, р. 226–240]. Реализация проекта автономии предполагает: появление субъекта, способного к политическому действию; прямую демократию, в ее подлинном понимании; изменение «антропологического типа», т.е. появление индивида, активного гражданина способного к самостоятельному творчеству. Реализация автономного проекта предполагает радикальное изменение роли человека в жизни общества.

Список литературы

1. Касториадис К. Воображаемое установление общества / К. Касториадис. – М., 2003.
2. Хевеши М. А. Альтернативность и процесс исторического развития / М. А. Хевеши // Пути социального прогресса. – М., 1991.
3. Castoriadis C. Pouvoir, politique, autonomie / C. Castoriadis // Les carrefours du labyrinthe III. – Seuil, 2000.
4. Castoriadis C. Socialisme et société autonome / C. Castoriadis // Le contenu du socialisme, 1979. – P. 10–18.
5. Castoriadis C. Fait et à faire / C. Castoriadis // Les carrefours du labyrinthe V. – Seuil, 1989, 1997.
6. Castoriadis C. La démocratie comme procédure et comme régime / C. Castoriadis // Les carrefours du labyrinthe IV. – Seuil, 1996.
7. Gérard David. Cornelius Castoriadis, le projet d'autonomie / Gérard David. – Michalon, 2000.

ИДЕИ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСТВА КАК СОСТАВЛЯЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ ПРОГРАММ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

О.С. Ковалева
(Россия, Москва)

В настоящей статье рассмотрен процесс возрождения интереса к идеям культуры как объединяющего компонента в контексте евразийства в период формирования идеологических платформ политических партий постсоветской России, показана степень востребованности идей культуры для мировоззренческого обоснования политических приоритетов России в евразийском геополитическом пространстве.

In the present article process of revival of interest to ideas of culture as an uniting component, in Eurasian context, in formation of ideological platforms of political parties of Post-Soviet Russia is viewed; the degree of demand of ideas of culture for the world outlook substantiation of political priorities of Russia in the Euroasian geopolitical space is shown.

Ключевые слова: культура, евразийство, партия, политическая программа, православие.
Key words: culture, Eurasian, party, political program, orthodoxy.

Для сегодняшней России одной из наиболее острых проблем является проблема выбора исторического пути. Может быть, поэтому в современной полемике о будущем России так часто звучат темы, ставшие традиционными для русской мысли, начиная с XIX в., – о судьбе страны, ее месте в мировой истории, ее соотношении с западной и восточной культурами.

В истории общественной мысли любой нации можно выделить ключевые идеи или концепции, которые в те или иные исторические периоды играют особую мировоззренческую роль в общественном сознании. Для российского общественного самосознания, его становления и развития такую роль, наряду с другими стержневыми идеями, играет группа идей и концепций, которую можно собирательно назвать «идеями евразийства». Еще в 1920-е гг. евразийцами были поставлены проблемы выбора самобытной культурной и социальной стратегии для России.

В 1921 г. в Софии вышел первый сборник евразийцев «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев» со статьями экономиста П.Н. Савицкого, искусствоведа П.П. Сувчинского, философа Г.В. Флоровского, этнолингвиста Н.С. Трубецкого. Авторы пытались по-новому осмыслить проблему взаимоотношений России и Запада, декларировали «возврат к себе, намерение жить, не отрываясь от своих корней», пытались осознать процессы, происходящие в СССР, через трактовку русской революции как знака рождения новой России. Вскоре от евразийцев отошел Г.В. Флоровский, который стал богословом и подверг евразийцев резкой критике. Евразийские теории развивал философ Л.П. Карсавин. Евразийское учение о государстве разрабатывал специалист в области философии и права Н.Н. Алексеев. Участвовали в развитии идеологии евразийства Д.П. Святополк-Мирский, С.Я. Эфрон, П. Арапов.

Новое учение основывалось на четырех идеях: 1) Россия – это Евразия, идущая особым путем развития; 2) человечество, культуры и нации являются симфоническими личностями; 3) все идеалы утверждаются на началах Православия; 4) идеальным является идеократическое государство.

С самого начала своего возникновения евразийство выступает как определенная историческая концепция, имеющая свои философские корни. Вся многоплановая теоретическая деятельность евразийцев была подчинена одной цели – показать своеобразие «культурной личности» России, точнее Евразии как особого «материка», занимающего срединное положение между цивилизациями Старого Света, не похожего ни на Европу, ни на Азию, хотя и испытавшего культурное воздействие и Запада, и Востока. «Россия, – писал П.Н. Савицкий, – занимает основное пространство земель "Евразии", Тот вывод, что земли ее не распадаются между двумя материками, но составляют скорее некоторый третий и самостоятельный материк, имеет не только географическое значение. Поскольку мы приписываем понятиям "Европы" и "Азии" также некоторое культурно-историческое содержание, мыслим как нечто конкретное, круг "европейских" и "азиатско-азиатских" культур, обозначение "Евразии" приобретает значение сжатой культурно-исторической характеристики. Обозначение это указывает, что в культурное бытие России в соизмеримых между собою долях вошли элементы различнейших культур» [7, с. 162].

Определяя русскую культуру как «евразийскую», евразийцы заявили, что они «выступают как осознатели русского культурного своеобразия» [3, с. 456]. Вместе с тем в их работах отмечается, что это осознание они обосновывают некоторой общей концепцией культуры и делают из этой концепции конкретные выводы для истолкования ныне происходящего. Очевидно, что идея своеобразия, самобытности русской культуры в евразийстве тесно связана с их учением о культуре [5, с. 201].

В евразийстве концепция культуры занимает особое место. Однако представители евразийского движения не создали каких-то специальных объемных культурологических произведений. Культурологические представления евразийцев, как правило, присутствуют в работах, которые прямо и непосредственно не посвящены проблемам общей концепции культуры. Здесь правомерно отметить, что евразийское учение о культуре получило наиболее глубокое философское обоснование и теоретическую стройность в трудах Л.П. Карсавина и Н.С. Трубецкого.

Очевидно, что культура создается субъектом и вместе с тем есть его (субъекта) самопроявление. Отсюда следует, что развитие субъекта возможно только в культуре, и, таким образом, создание культуры является обязательной задачей каждого субъекта [4, с. 94].

Российский социум, по мнению евразийцев, уподоблялся некой «симфонической личности», в которой православие, являясь основным цементирующим началом, не вступало в противоречие с другими, нехристианскими религиями и культурами, а плодотворно сосуществовало и взаимообменивалось с ними. Христианство – не «элемент» определенной культуры, а «фермент», привносимый в самые разнообразные религиозно-культурные общности, утверждал, например, Н.С. Трубецкой [11, с. 137]. Подобно славянофилам, критикуя Европу и выступая против европоцентризма, евразийцы, однако, не грешили идеализацией русского бытия, хотя и считали, что европейцы, обогнав россиян в экспериментальной науке, отстают от них в идеологии и нравственности.

Важнейшим моментом в доктрине евразийцев было их отношение к роли государства как инструмента принуждения, особенно необходимого в условиях Евразии, где либерализм и слабая власть, по их мнению, всегда оказывались чем-то чуждым и непривычным для большей части народа. Переосмысливая славянофильское понятие соборности, евразийцы считали наиболее подходящей для России формой государственного устройства так называемую идеократию, т.е. такой принцип организации общества, когда выдвинутый народом «правлящий слой» объединяет и сплачивает определенная идея или доктрина, в русских национальных условиях, конечно, не марксизм-ленинизм, а более традиционное православие.

Главное объяснение популярности евразийства в современном российском обществе заключается в том, что идея России как самодостаточного целостного культурного мира подсознательно исповедуется большинством населения страны. Вряд ли возможно отрицать наличия на постсоветском пространстве, самостоятельной, самобытной культурно-цивилизационной среды, в основе которой лежит единый внутренний неантогонистический комплекс базисных представлений славянской, тюркско-монгольской, западноевропейской и даже византийской культур. При этом именно русская культура, пополняемая элементами культур других народов Евразии, должна стать базой наднациональной, евразийской культуры [6, с. 224].

Возрождение интереса к идеям культуры как объединяющего компонента в контексте евразийства наблюдается в начале 1990-х гг. При этом рост интереса к характерным компонентам евразийского мировоззрения наблюдается не только среди историков, культурологов, но и среди политиков, лидеров политических партий и общественных движений.

С помощью сложной культурологической интерпретации политические и общественные деятели пытались и пытаются решить вполне конкретные геополитические проблемы возрождения того ареала, который евразийцы считали «месторазвитием» особого типа государственности – «России – Евразии».

Евразийство для современной России является типичной политической платформой, предлагающей реальную альтернативу либерально-демократическому проекту модернизации постсоветской государственности. Эти идеи активно вовлекаются в политический процесс и частично выполняют функции мировоззренческого обоснования политических приоритетов России в евразийском геополитическом пространстве. В этой связи отдельные аспекты евразийства, а в частности идеи культуры, становятся востребованными самыми различными политическими партиями и движениями в России.

Одной из наиболее последовательных форм институализации евразийской парадигмы в политическом процессе постсоветской России стало создание в 2002 г. партии «Евразия», которая с момента учреждения позиционировала себя исключительно как общественно-политическая структура по распространению и пропаганде евразийских идей, подготовке квалифицированного евразийского кадрового резерва и оказанию эффективного влияния на современную политическую элиту в евразийском ключе [8, с. 22]. В качестве учредителей партии выступили многие известные в стране теоретики современного неоевразийства, которые подобным образом решили продолжить свои научные изыскания в сфере практической политики. Следует заметить, что неоевразийство с момента своего оформления в идеологическое течение сочетало в себе классические евразийские идеи с теориями «третьего пути», «консервативной

революции», теориями европейских «новых правых». Важное место в этой идеологии играла геополитика и ее методы. Данная идеология изначально не имела никакого отношения к советизму, резко отвергала все разновидности марксизма, отличалась подчеркнутой национально-консервативной и религиозно-традиционалистской ориентацией. Она позиционировалась на одинаковой дистанции как от коммунизма (социализма), так и от западной либеральной демократии. Она была державной, религиозной, имперской и национальной, но вместе с тем антизападной и антисоветской.

Многие из программных документов партии фактически превратились в доктринальные источники всего современного неоевразийства («Основы евразийства», «Евразийский взгляд», «Евразийский путь» и др.), что обеспечило практически полное тождество ее программных установок с базовыми принципами евразийской парадигмы [2].

В терминах структурализма можно говорить о совпадении в данном случае евразийского политического «дискурса» и евразийского «языка». Политическое кредо партии «Евразия» может быть охарактеризовано, как «евразийство ради Евразии», так как в качестве основных задач она ставит пробуждение евразийского «политического бессознательного» у российских граждан, евразийскую модернизацию постсоветской государственности, отстаивание стратегических интересов России как евроазиатской державы на международной арене.

Однако в программе партии неоевразийство являет собой не только политическое мировоззрение, но и своеобразную философию культуры. Исходя из евразийского подхода, можно сформулировать основные принципы культурного развития, которые являются ключевыми для программы партии. 1. Необходимость провести тщательную ревизию культурного наследия с тем, чтобы выделить наиболее ценные направления и сместить на периферию внимания второстепенные (критерием должно выступать соответствие духу Традиции). 2. Следует отдавать приоритет духовным, религиозным элементам, связанным с понятием «священного». Удельный вес конфессионального, религиозного начала в вопросах культуры должен быть существенно повышен. 3. Обращение к национальным этническим и религиозным корням культуры несет в себе колоссальный импульс, способный существенно оздоровить социальный и культурный климат в обществе, дать новые силы и открыть новые направления в творчестве. 4. В деле диалога культур приоритетом должны пользоваться культуры близких исторически евразийских этносов: этническое и духовное наследие славян и тюрок, финно-угров, монголов и других автохтонных народов России (Евразии) должно быть в центре внимания. Следует учитывать, что вершины западной культуры сплошь и рядом являются делом рук художников, мыслителей и интеллектуалов, настроенных довольно критически в отношении доминирующего пути развития буржуазной либеральной цивилизации; так, наилучшие образцы западноевропейской мысли XX столетия почти исключительно принадлежат жестким критикам либерально-демократической системы ценностей (причем, эта критика осуществлялась как с «правых» традиционалистских, консервативных, так и с «левых», социальных позиций). Выделение и освоение этого «евразийского» начала западноевропейской (и даже американской) культуры является важнейшей задачей для обогащения евразийской мысли на новом этапе. 5. Знакомство с культурными ценностями Востока и Запада должно идти параллельно укреплению и возрождению собственной культурной идентичности, при этом явный перекос в сторону интереса к западной культуре и псевдокультуре следует компенсировать более внимательным и активным изучением культур народов Востока. 6. Новаторский компонент, являющийся важной частью творчества, должен основываться на глубоком знании традиций, питаться живительными энергиями старины, воплощая вечные истины и древние мотивы человеческой души, взыскующей смысла, в неожиданные оригинальные стилевые решения, отражающие парадоксальный драматический дух нашей эпохи. Это и есть евразийский стиль – синтез древнего и авангардного, изначального и ультрасовременного. 7. Необходимо активно противодействовать любым формам «культурного расизма» и «культурной колонизации», откуда бы эти тенденции ни исходили, так как сохранение собственной культурной идентичности является необходимым условием

национальной безопасности; особенно это касается агрессивного навязывания культурных стереотипов цивилизацией Запада, открыто претендующей на их глобализацию.

К идеям евразийства и неоевразийства апеллируют также и противоположные сектора политического спектра, использующие евразийские идеи для прикрытия собственных популистских и конъюнктурных целей в борьбе за властные полномочия. Если в программе партии «Евразия» культурная политика в духе евразийства прописана отдельным пунктом, то в программах других партий евразийские позиции не выделены так явно, но, тем не менее, основные идеи культуры, на которых базируется евразийство, провозглашаются в ряду основных ценностей.

В современной идейной платформе Коммунистической партии Российской Федерации (КПРФ) присутствуют элементы, которые не могут быть отнесены не только к ортодоксальному марксизму – как советскому, так и западному, – но даже к общему, широко понятому спектру левых идеологий. Формирование идейной платформы КПРФ происходило под влиянием особой идеологии, которую точнее всего определить как «неоевразийство» [1, с. 583].

Есть целый ряд отчетливых позиций, постоянно и настойчиво озвучиваемых лидерами КПРФ, – в частности, Геннадием Зюгановым, – которые совершенно не вписываются в левые идеологические рамки. К примеру, КПРФ провозглашает в качестве высших ценностей: верность нравственным устоям, национальным корням, религиозной системе ценностей, православию, государственности, державности. В своей книге Г. Зюганов «Современная русская идея и государство» объявляет КПРФ «народно-патриотическим движением», апеллирует к русской идее, культуре признания уникальности исторического пути России, православию, неославянофильству [10, с. 156]. Исторический анализ идеологов КПРФ оперирует преимущественно формулами геополитики, где преобладают термины «атлантизм», «евразийство», «глобализм», «мондиализм», «русская цивилизация», «пространственные константы», «консервативная революция» и т.д. Такая модель политического анализа является вообще совершенно оригинальной и не встречается ни у левых, ни у правых политических партий.

Идеи культуры, самобытности, уникальности и особой исторической миссии России можно увидеть и в программе Леберально-демократической партии России (ЛДПР). Свою миссию ЛДПР видит в противостоянии попыткам уничтожить Россию как ядро самобытной Восточно-христианской цивилизации. ЛДПР всегда выступала за великий русский народ, за православную веру. При этом ни сколько не принижается роль других народов и декларируется, что именно православие как некое объединяющее начало должно объединить различные этносы и конфессии.

Говоря о месте России, ее культурно-исторической миссии в программе политической партии «Патриоты России» среди целей и задач в ряду первых можно увидеть, что Россия в будущем позиционируется как «великая, сильная, влиятельная в мире, процветающая Россия, в которой обеспечены духовное развитие, благополучие и счастье всех граждан» [9]. Среди задач внешней политики на первом месте осуществление исторической миссии международной политики России – укрепления мира и безопасности, противодействия агрессивному глобальному гегемонизму, реализации альтернативного варианта мирового устройства и межгосударственных отношений, основанного на равноправии всех стран и народов, взаимовыгодном сотрудничестве, международном праве, общепринятых нормах морали и гуманизме. А так же реализация роли России как великой мировой державы в решении наиболее острых проблем человечества.

Не смотря на популярность евразийских идей среди политиков, безусловно, есть и политически партии, которые выступают противниками такого повального влечения евразийством.

В современной России политические силы, выступающие с жесткой критикой евразийского проекта с прямо противоположенных ему позиций, сконцентрированы в основном на правой стороне политического спектра, к которому принадлежит партия «Союз Правых Сил» (СПС) и партия «Яблоко».

Таким образом, среди политических партий современной России можно выделить ряд партий, в программах которых одним из элементов, на которых построена идейная платформа, является идея культуры в контексте евразийства. Обращение к евразийству в среде политических партий стало для одних спекуляцией на патриотических и державных идеалах населения, а для других – способом пропаганды евразийской философии культуры среди основной массы населения.

Список литературы

1. Дугин А. Г. КППРФ и евразийство / А. Г. Дугин // Основы евразийства. – М., 2002. – С. 579–589.
2. Дугин А. Г. Программа политической партии «Евразия», 2002 г. / А. Г. Дугин. – Режим доступа: <http://evrazia.org>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
3. Исход к Востоку. – М. : Добросвет, 1997. – 262 с.
4. Карсавин Л. П. Уроки отреченной веры / Л. П. Карсавин // Евразийский временник. Кн. IV. Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1925. – С. 82–154.
5. Очирова Т. Н. Евразийская модель культуры / Т. Н. Очирова // Цивилизации и культуры: Альманах. Вып. 1. Россия и Восток: цивилизационные отношения. – М., 1994. – С. 201–205.
6. Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. – М., 1993. – 292 с.
7. Савицкий П. Н. Континент Евразия / П. Н. Савицкий. – М. : Аграф, 1997. – 464 с.
8. Самохин А. В. Евразийство как идейно-политическое течение России XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. В. Самохин. – М., 2004.
9. Семигин Г. Ю. Программа политической партии «Патриоты России», 2005 г. / Г. Ю. Семигин, А. Г. Дугин. – Режим доступа: <http://www.patriot-rus.ru>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
10. Современная русская идея и государство / гл. ред. Г. А. Зюганов. – М., 1995. – 184 с.
11. Трубецкой Н. С. Наследие Чингис-хана / Н. С. Трубецкой. – М., 1999.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЕЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА: ОСОБЕННОСТИ, ПРИЧИНЫ, ФАКТОРЫ И УСЛОВИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ

Е.П. Олифиренко
(Россия, Черкесск)

Данная работа посвящена проблеме исследования сущности молодежного экстремизма, причин возникновения и распространения в контексте происходящих в России социально-политических процессов. Был проведен анализ существующих концепций экстремизма, выявление сущностных и содержательных аспектов экстремизма в молодежной среде, выявление причин возникновения молодежного экстремизма в условиях современной действительности. Результаты исследования состоят в следующем: показан особый характер опасности молодежного экстремизма для современного общества, феномен молодежного экстремизма исследован в контексте сегодняшней ситуации, выявлены причины востребованности и условия возникновения молодежного экстремизма.

The given scientific message is devoted to a problem of research of essence of youth extremism, the reasons of its occurrence and distribution in the context of sociopolitical processes in Russia. The analysis extremism concepts, revealing of intrinsic and substantial aspects of extremism in the youth environment, revealing of the reasons of occurrence youth extremism under the conditions of the modern validity have been carried out. The results of research consist in the following: special character of danger of youth extremism for a modern society is shown, the phenomenon of youth extremism is investigated in the context of a today's situation, reasons of demand and conditions of occurrence of youth extremism are revealed in the article.

Ключевые слова: экстремистская и террористическая деятельность, незаконные вооруженные формирования, правоохранительные органы, межэтническая напряженность, молодежь.

Key words: extremist and terrorist activity, illegal armed formations, law enforcement bodies, interethnic intensity, youth.

Научное исследование того или иного явления сродни постановке диагноза. Если поставлен неверный диагноз, то и лечение будет неэффективным или даже губительным. Поскольку в качестве пациента в данном случае выступает общество в целом, то игра в политкорректность с диагнозом относительно таких деструктивных явлений как экстремизм и может слишком дорого обойтись всем нам. Более того, неточные формулировки рождают штампы, которые потом способствуют разжиганию конфликтов и появлению не существовавших ранее противоречий.